

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

КНУТ ЛАВАРД, ПРИНЦ ДАТСКИЙ

Учёный – Ему унаследовал сын
Георг II, прозванный за свои подвиги
Обыкновенным. Да, Обыкновенным.

Король – Я очень спешу. Вы просто
перечисляйте предков. Я пойму, за что
именно они получали свои прозвища. А
иначе я вас зарежу.

Е. Шварц «Голый король»

Фигура Кнута Лаварда – правителя славян-ободритов, одного из претендентов на датский престол в XII в., женатого на русской княжне – в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей¹. В нашей статье мы хотели бы обсудить небольшой фрагмент средневекового латинского текста, имеющий самое непосредственное отношение к истории возвышения и гибели этого представителя датской династии, но как правило лишь бегло упоминаемый в посвященных Кнуту работах. Между тем, интересующий нас отрывок – это довольно редкий подарок для филолога, изучающего славяно-германское взаимодействие, поскольку в этом тексте, написанном на латыни, появляется и, более того, объясняется и интерпретируется славянское слово «князь» (*knese*).

Речь идет о чтении пятом из «Страстей Кнута Лаварда», литургическом тексте, составленном, по всей видимости, в конце XII столетия и дошедшем до нас в нескольких списках, старший из которых принадлежит концу XIII в.² Здесь рассказывается, как в результате интриг своего двоюродного брата Кнут Лавард был обвинен в том, что он, нарушив обычаи своей страны и действуя вопреки интересам правителя Дании Нильса (Николауса),

¹ См., например: Назаренко 2011, с. 284–303; Raffensperger 2010, с. 193–205; Boroń 2010, с. 102–120; Dubois, Ingwersen 2008, с. 154–202; Hermanson 2000, с. 92–138; Hoffmann 1981.

² Киль, Центральная Библиотека Университета, S. N. 8 A (K). Новейшее и наиболее полное издание: Chesnutt 2003. С сокращениями текст, известный как *Vita Kanutis ducis altera* или *Historia St. Kanuti ducis et martyris*, издавался также П. Зумом (SRD, т. IV, с. 261–277 <№ CIX>), Г. Вайтцем (MGH SS, т. XXIX, с. 11–20) и М. Гертцем (VSD, с. 171–233).

узурпировал титул короля в славянских землях³. Наибольший интерес для нас представляет ответ Кнута, поданный в источнике в виде прямой речи:

... не пристало обвинять меня в узурпации титула король, так как славяне никогда короля не имели, и, когда страна была мне поручена, королем меня не называли. Обычно, дабы почтить в речах чье-либо достоинство и выказать кому-либо уважение, они используют слово «князь» (*knese*), оно означает «господин» (*dominus*). Даны же, толкуя его неправильно, утверждают, что оно означает «король» (*rex*)⁴.

Пассаж этот выстроен с немалым искусством, так что истинные утверждения тщательно переплетены с политически тенденциозными построениями, разделить здесь правду и ложь не так-то просто. Поскольку мы стремимся рассмотреть данный эпизод в филологической и историко-культурной перспективе, нас прежде всего интересует нарративная стратегия составителя памятника, прагматика использования славянских лексических концептов в иноязычных текстах, функционирование и древние толкования имен и прозвищ средневековых правителей, и, опосредованным образом, конкретная политическая ситуация в двух исторических срезах – событийном времени и времени сложения текста.

Иначе говоря, перед нами, в сущности, задача тройного рода: почему автор нашего источника строил свое изложение именно таким образом, какая фактическая подоплека могла стоять за его рассказом и, наконец, зачем понадобилось вводить нелатинское слово *knese*?

Обратим внимание, для передачи этого славянского титула латиноязычные авторы – в зависимости от политического контекста – использовали и термин *rex*, и термин *dominus*, причем, сугубо условно, можно сказать, что *rex* это максимально престижный эквивалент титула «князь», а *dominus* – престижен, так сказать, минимально. Таким образом, составитель нашего текста проявляет довольно тонкое и разностороннее знание соответствующей номенклатуры. Замечательно, однако, что, объявив одну из точек зрения (максимально престижную) на титул «князь» неправильной, в собственной интерпретации он дополнительно снижает смысл славянского термина. Ведь он, в сущности, эксплуатирует только одно из значений латинского *dominus*, выставляя дело так, как будто бы слово *knese* вовсе не обладает никакими властно-политическими коннотациями, а является лишь почетным, величальным эпитетом – «дабы почтить в речах чье-либо достоинство

³ *Tu inquit contra consuetudines terre noua quedam induxisti. et in Sclauia contra me et regnum meum nom(en) Regis tibi usurpasti* (Chesnutt 2003, с. 95 <§2а: 2: 4: 1>; VSD, с. 193).

⁴ *Regis usurpati nominis reus non teneor, Sclauia enim nec regem habuit. nec michi commissa(.) me regem uocauit. Usuali quidem locucione causa dignitatis uel reuerencie. Knese quemlibet uocare consueuit. Hoc e(st) dominus. Et hoc Dani abusiuе interpretantes regem esse affirmant* (Chesnutt 2003, с. 97 <§ 2b: 2: 1: 1>; VSD, с. 194 <Lectio Va>).

и выказать кому-либо уважение, они (славяне) используют слово *knese*, оно означает *dominus*».

Надо сказать, что тонкость и сложность его построений вполне оправданы в обоих хронологических пластах, с которыми мы имеем дело (время события и время источника). Нет нужды лишней раз говорить о том, насколько актуальна проблема титулования правителя в начале 30-х гг. XII столетия. Объект восхваления нашего текста – датский святой Кнут Эйрикссон Лавард был одним из внуков могущественного конунга Дании Свейна Эстридссона, а, следовательно, уже в силу своего происхождения, он оказывался втянут в затяжную и упорную борьбу родичей за трон, ибо распоряжение его деда⁵, основателя новой династии, предоставляя всем многочисленным незаконнорожденным сыновьям Свейна право на власть, не регулировало в должной мере последующий порядок престолонаследия. До поры до времени власть переходила от одного сына Свейна к другому, но уже в этом поколении соперничество за престол могло вести к гибели одного из братьев – так, первым собственно датским святым стал дядя и тезка Кнута Лаварда, убитый в смуте 1086 г., Кнут Свейнссон⁶.

Долгое правление Нильса и его жены Маргареты Фридуллы как будто бы снижало напряженность противостояния, затушевывало в глазах современников остроту династической ситуации, заставляя на время отказаться от воспоминаний о недавнем прошлом ради относительно стабильного настоящего. Однако за три десятилетия его правления число претендентов на власть изрядно возросло, поскольку среди них оказались представители третьего поколения, подросшие внуки Свейна Эстридссона. Кто из них имеет больше прав на датскую державу – сын царствующего конунга Нильса Свейнссона или сын конунга предшествовавшего, умершего в паломничестве в 1103 г. Эйрика Свейнссона Доброго? На рубеже 20-х – 30-х гг. XII столетия этот вопрос стал предельно актуален.

⁵ Незадолго до смерти Свейн потребовал от данов на тинге, чтобы ему позволили назначить своего преемника. Его выбор пал на Кнута, хотя старшим из сыновей был Харальд (Knýtll., с. 62). Тем не менее, после смерти Свейна, вопреки его желанию, конунгом был избран старший сын Харальд, а Кнут был назначен ярлом. В дальнейшем, каждый следующий по старшинству сын Свейна Эстридссона получал право на престол после смерти своего старшего брата (Knýtll., с. 149, 166, 196).

⁶ Известно, что восстание, приведшее к гибели Кнута Святого и еще одного сына Свейна Эстридссона, Бенедикта, сопровождалось противостоянием Кнута и следующего за ним по возрасту брата, Олава, которому зачастую приписывается самая организация партии противников конунга Кнута (Hoffmann 1976, с. 58). Во всяком случае, именно Олава оппозиция на определенном этапе выдвигает в качестве защитника своих интересов перед королем (VSD, с. 67, 100), а тот, в свою очередь, распорядился схватить Олава, а затем выслал его под надзор родственника своей жены, графа Фландрского. Таким образом, почти идиллическая картина последовательного и безмятежного перехода в этом поколении датской короны от старшего брата к младшему, которой, согласно Саксону Грамматику, так гордился Нильс Свейнссон (Saxo, кн. XIII, гл. 5, § 8, с. 351) – это в значительной степени дань политической риторике в том споре Нильса с племянником Кнутом Лавардом, о котором речь пойдет ниже.

Чем старше становится правящий конунг, тем важнее приметы новой расстановки сил, складывающейся в династии. В такой ситуации, разумеется, исключительную важность приобретает каждый шаг, каждая победа, каждый завоеванный сторонник или полученный титул, которые могли ассоциироваться в глазах окружающих со стремлением добиться датского престола. С 1127 г., с того момента, когда в Брюгге был убит могущественный граф Фландрский Карл, единственный сын Кнута Святого, на датской политической арене остались только отпрыски нескольких младших сыновей Свейна Эстридссона. Нетрудно понять, почему выделенной фигурой в гонках за властью оказывается Магнус Сильный, родной сын правящего конунга Нильса и Маргареты Фридкуллы – весьма характерно, что к концу 20-х гг. за ним уже закреплен титул конунга, правда, пока всего лишь конунга отдельной области Швеции⁷. Однако то обстоятельство (обычно легко принимаемое исследователями как данность), что главным его соперником оказался Кнут Лавард само по себе требует объяснений.

В самом деле, в ту пору едва ли возможно было предвидеть, что Кнуту суждено в будущем стать отцом одного из самых знаменитых королей Дании, Вальдемара Великого, еще труднее его политическим соперникам, вероятно, было угадать в нем будущего святого, весьма почитаемого на скандинавском полуострове. По другим же признакам выделенность Кнута в целой череде его братьев и кузенов не столь очевидна. Так, у него имелся двоюродный брат, Хенрик Хромой, который заведомо был старше по возрасту. Правда, можно предположить, что по общеродовому счету Хенрик, будучи сыном Свейна Свейнссона, уступал Кнуту, поскольку отец Хенрика был младше отца Кнута и не успел взойти на престол. Однако и среди своих единокровных братьев, сыновей Эйрика Доброго, Кнут был отнюдь не первым, по крайней мере двое из них, Харальд и Эйрик, были старше него⁸.

Как правило, в работах, посвященных этой политической ситуации, особое внимание уделяется тому, какое место Маргарета Фридкулла отводила Кнуту Лаварду в системе матримониальных связей, которыми она плано-

⁷ Сахо, кн. XIII, гл. 5, § 1, с. 349. В Швеции, таким образом, оказалось на некоторое время сразу два конунга, правивших в разных областях. Обсуждение роли Магнуса в этой ситуации см.: Ræder 1871, с. 449; Hermanson 2000, с. 102

⁸ Knútl., с. 186. Относительно старшинства Харальда все источники единодушны. Что же касается очередности появления на свет Кнута и Эйрика, то сага однозначно указывает, что Эйрик был старше, тогда как в труде Саксона Грамматика, например, при отсутствии прямых указаний на старшинство братьев можно понять дело так, что Эйрик был младше Кнута, поскольку при перечислении он называется вслед за ним. Вполне возможно, однако, что такой порядок объясняется тем, что Саксон специально отмечает его более низкое по сравнению с братом происхождение (см. ниже, примеч. 50).

Согласно показаниям Роскильської хроники и Лундского некролога, у них был и еще один брат по имени *Бенедикт* (SMD, т. I, гл. XII; Рыбаков 2003, с. 333), но о его возрасте относительно других сыновей Эйрика Доброго ничего не сообщается.

мерно опутывала родичей своего мужа, дабы создать с ее помощью некую общесемейную опору для собственного сына Магнуса и заранее нейтрализовать его потенциальных соперников. Наиболее выразительно о ее брачной политике рассказывается в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика⁹, однако замысел Маргареты, по-видимому, был весьма разносторонним и почти никто из племянников мужа не остался «обиженным».

В самом деле, помимо упомянутых в труде Саксона браков Кнута Лаварда и Хенрика Хромого с двумя ее племянницами (Ингибьёрг, дочь Христины (Кристины) и Мстислава Великого, и Ингирид, дочь Рёгнвальда), на ближайших родственниках Маргареты оказались женатыми как Харальд Копье, старший единокровный брат Кнута Лаварда, так и сын этого Харальда – Бьёрн Железный Бок¹⁰. Женой Харальда была дочь норвежского короля Магнуса Голоногого Рагнхильд, которая приходилась Маргарете падчерицей, жена же Бьёрна – не кто иная как родная сестра Маргареты и русской княгини Христины, Катарина¹¹ (таким образом, Бьёрн был свояком Мстислава Великого, а его жена родной тёткой значительной части мстиславова потомства – деталь сама по себе весьма примечательная в свете скандинаво-русских контактов той поры)¹².

Так или иначе, в том причудливом хитросплетении родства и свойства, в центре которого находилась датская королева Маргарета, достаточно трудно усмотреть в месте, отводимом Кнуту Лаварду, что-либо существенно большее, чем роль равного среди прочих участника и исполнителя общего замысла. Почему же все-таки именно Кнут становится главным контрагентом Магнуса Сильного, почему Нильс в течение девяти лет питает к нему ненависть, почему именно его убийством завершается долгая эпоха относительной стабильности власти в Дании и раздражается

⁹ Saxo, кн. XIII, гл. 1, § 4, с. 342.

¹⁰ Knýtll., с. 195–196. Во время гражданской смуты, наступившей после гибели Кнута Лаварда, Харальд и Бьёрн оказались в противоборствующих лагерях: сын (Бьёрн) сражался на стороне Эйрика Незабвенного, своего дяди, тогда как отец (Харальд) большую часть времени поддерживал конунга Нильса. Однако придя к власти, Эйрик Незабвенный распорядился казнить их обоих, а заодно и других сыновей Харальда Копье (SMD, т. I, с. 132 <гл. 14>, 133 <гл. 15>; Рыбаков 2003, с. 337 <гл. XVII>; VSD, с. 399; Saxo, кн. XIV, гл. 1, § 4, с. 368).

¹¹ Это родство не забывалось, во всяком случае, дочь Бьёрна и Катарини стала тёзкой своей жившей на Руси тётки. Впоследствии эта Кристина-младшая была выдана замуж в Швецию, причем престижность такого брака несомненно подчеркивала знатность ее собственного происхождения, поскольку ее мужем стал конунг Швеции Эйрик Святой (Knýtll., с. 196). Детей их звали *Кнут*, *Катарина* и *Маргарета*, таким образом, в именах девочек воспроизводится не только имя их родной бабки Катарини, но и бабки двоюродной – Маргареты Фридкуллы. Вообще говоря, преемственность женского именованья у потомков Инги Старого весьма выразительна и достаточно долго сохраняет наглядный системный характер.

¹² По тем или иным причинам данный брак остается за пределами внимания работ последних лет, специально затрагивающих проблему русско-датских династических связей этого периода.

гражданская война? Что же, наконец, делало фигуру Кнута столь важной в глазах современников?

Не исключено, конечно, что дело было в выдающихся личных качествах этого претендента на престол, однако, по всей видимости, не они одни делали его столь опасным для семьи короля Нильса. Очевидно, например, что именно в отношении Кнута Маргарета приняла (помимо тех матримониальных тенет, которыми она опутывала почти всех племянников своего мужа и даже некоторых их детей) особые благожелательно-превентивные меры. Именно Кнут стал крестным Магнуса Нильссона¹³, причем произошло это, со всей очевидностью, в ту пору, когда старший из кузенов был еще достаточно юн и не мог прославиться среди приближенных королевского дома какими-нибудь достижениями мудрого политика или искусного воина¹⁴.

Разумеется, весьма немалый вклад в ту особую роль, в которой выступал взрослый Кнут Лавард по отношению к королю Нильсу и его сыну, внесла его успешная карьера за пределами датской державы. В самом деле, получив сперва Шлезвиг от своего дяди Нильса за некую плату¹⁵ (согласно «Саге о Кнютлингах», Шлезвиг / Хейдабю причитался ему по распоряжению отца, Эйрика Доброго)¹⁶, впоследствии ту самую корону ободритов и титул короля (*rex*), из-за которых его конфликт с дядей и кузеном достиг своей кульминации, он получает из рук короля Лотаря III. Скорее всего, получение этой земли и титула связано с тем, что он в течение какого-то времени рос при дворе Лотаря¹⁷, но должна же была существовать какая-то причина, благо-

¹³ SRD, т. IV, с. 259. Не следует, впрочем, думать, что, связывая Кнута духовным родством со своей семьей, Нильс и Маргарета уже тогда пеклись исключительно о наследственных правах новорожденного Магнуса. В ту пору был жив еще их старший сын Инги, позднее погибший в результате несчастного случая. Отметим попутно, что самый выбор имени для старшего сына демонстрирует, сколь велико было влияние Маргареты в семейно-династической стратегии, ведь он, без сомнения, был назван в честь ее отца, а не более традиционным образом, в честь деда по мужской линии. Одно из имен деда по отцу (*Магнус*) получает младший из мальчиков. Не может ли такое распределение имен в семье указывать на надежды Нильса и Маргареты заполучить для первенца власть над Швецией, родиной его матери?

¹⁴ В качестве даты рождения Кнута Лаварда традиционно указывается 12 марта 1096 г., однако годы появления на свет как Кнута, так и Магнуса (ок. 1106 г.?) являются предметом исследовательских реконструкций (см. подробнее: Olrik 1888, с. 22–25). Для нас существенно, что ни одна из гипотез на сей счет не допускает более 14-летней разницы между ними, а вероятнее всего она была и того меньше – около 10 лет.

¹⁵ Saxo, кн. XIII, гл. 3, § 2.

¹⁶ Как рассказывается в саге, это распоряжение было сделано конунгом Эйриком перед отправкой в паломничество, из которого ему не суждено было вернуться (Knýt., с. 188). Здесь же указывается, что Харальд Копье должен замещать отца на время отсутствия, а Нильс унаследовать державу в случае смерти Эйрика.

В работе Raffensperger 2010, с. 197 ошибочно утверждается со ссылкой на Гельмольда, что Кнут Лавард получил Шлезвиг от Лотаря, таких сведений в «Славянской хронике» нет.

¹⁷ Подробный анализ источников, касающихся пребывания Кнута при дворе Лотаря в бытность последнего саксонским герцогом, см. в работе: Назаренко 2011, с. 286–287.

даря которой именно этого внука Свейна Эстридссона надлежало в целях безопасности растить за пределами королевства, где у него оставались дядя и по крайней мере один достаточно взрослый брат, Харальд Копье.

Невольно напрашивается предположение, что Кнут от рождения или с детства обладал чем-то таким, что выделяло его среди прочих родичей и служило постоянным источником тревоги и беспокойства, своеобразным призывом к действию как для него самого, так и для других потомков его могущественного деда. Это загадочное «что-то» в какой-то момент свело, в сущности, на нет миротворческие усилия его тётки Маргареты, которая задействовала, казалось бы, все традиционные домашние средства эпохи – свойство, наделение приданым¹⁸, духовное родство – чтобы сбалансировать и уравновесить ситуацию.

В самом деле, ее стратегия оказалась вполне успешной в применении к родному брату Кнута Лаварда Харальду Копье, который почти всегда оставался другом и сторонником конунга Нильса, за что поплатился в конце концов своей головой. Столь же предан своему дяде Нильсу и кузену Магнусу был и Хенрик Свейнссон Хромой, принимавший непосредственное участие в убийстве Кнута Лаварда. Вплоть до того, как совершилось это преступление, у нас нет никаких явных свидетельств нелояльности к королю Нильсу Эйрика Незабвенного или Бьёрна Железный Бок. Весь династический конфликт как будто бы сосредоточился в фигуре Кнута, и интересующий нас краткий фрагмент с упоминанием славянского термина власти, будучи сопоставлен с другими источниками, как кажется, помогает понять, почему все произошло именно так.

Насколько прозрачно было в Дании значение интересующего нас слова *knese* в эпоху составления литургического текста? Культ Кнута Лаварда был в высшей степени династическим, и служба ему едва ли могла быть написана вдали от двора и правящих конунгов. Датские же правители на протяжении всего XII в., как известно, были связаны теснейшими узами родства сразу с несколькими славянскими народами. Разумеется, с точки зрения их осведомленности в семантике славянской властной номенклатуры нам интереснее всего их родичи-ободриты, однако к несчастью, мы не знаем, как те именовали своих правителей на родном языке. Исследователи обычно предполагают, что они звали его «князем», но для наших целей нет нужды прибегать даже к такой весьма вероятной реконструкции¹⁹. Доста-

¹⁸ Saxo, кн. XIII, гл. 1, § 4, с. 342.

¹⁹ В нашем рассуждении мы хотели бы избежать этого реконструктивного предположения прежде всего потому, что главным его основанием – помимо параллелей в других славянских языках – в свое время стало не что иное, как интересующее нас употребление термина *knese* в службе Кнуту Лаварду (Jensen 1934, с. 190–191; Fritze 1960, с. 150–151, 196). Впоследствии, как это нередко случается, аргументация, связанная с текстом службы из работ, так или иначе затрагивающих данную проблематику, исчезает, а представление о нали-

точно уже упомянутого нами факта, что женой Кнута Лаварда и матерью его сына Вальдемара Великого была русская княжна Ингибьёрг Мстиславна, сам Вальдемар детство провел на Руси²⁰, а его сыновья были рождены в браке с еще одной русской княжной Софьей и были, условно говоря, на три четверти Рюриковичи, так что во всех властных коннотациях титула «князь» датские правители XII в. и их окружение должны были разбираться весьма детально.

Автору нашего источника, как уже говорилось, известны по крайней мере два термина, *rex* и *dominus*, с помощью которых слово *knese* могло – в зависимости от политической конъюнктуры и собственной ориентации книжника – передаваться на латыни. Сам по себе этот опыт лингвистической рефлексии весьма примечателен: как правило, в рамках одного латинского текста используется только один из этих титулов, без указания на возможные альтернативы, равно как и без отсылок к автохтонному прототипу термина. Одну из этих интерпретаций слова *knese*, *rex*, наш автор отвергает как заведомо ошибочную, он ведет полемику с некими безымянными датчанами, используя здесь несколько риторических клише, которые, на беду, противоречат истинному положению дел. Автор, в частности, сообщает, что славяне, которыми правит Кнут, «никогда короля не имели». Между тем, мы знаем целую династию единоличных правителей этих славян, по меньшей мере, один из которых, Хенрик, сын Готшалка, предшественник Кнута Лаварда на ободритском престоле и его близкий родич по женской линии, именуется в грамоте германского императора Конрада III от 1139 г. *Slavorum rex*²¹. Именно так называется в ряде источников и сам Кнут²², более того, он имел на это именование законное право, так как корона и титул *rex* были пожалованы ему Лотарем III вместе с ободритскими землями²³. Здесь, собственно, следует более точно указать расстановку «литературных» сил в полемике о титулатуре Кнута, хотя конечно мы знаем о ней далеко не все.

Пресловутый спор о властных привилегиях Кнута Лаварда наиболее полно изложен в трех латинских источниках, относящихся ко второй половине XII – началу XIII столетий, однако в этих сочинениях представлены два совершенно разных взгляда. В «Славянской хронике» Гельмольда, работавшего в 60-е гг. XII столетия, по отношению к этому правителю применяется титул *rex*, с определенного момента Кнут Лавард последовательно именуется здесь

чии и особенностях функционирования слова «князь» у ободритов начинает фигурировать как некая готовая объективная данность и, в свою очередь, использоваться для объяснения соответствующей реплики Кнута Лаварда.

²⁰ См. подробнее: Lind 1992, с. 228–235.

²¹ Hausmann 1969, с. 31 <№ 17>.

²² Ср. в так называемой генеалогии аббата Вильгельма *dux fuit Danorum et rex Sclavorum* (SMD, т. I, с. 180) или *Gloriosus sclavorum rex Canutus, Erii Regis filius occisus est* (NL, с. 50).

²³ Böhmer 1994, т. IV, отд. 1, ч. 1, № 196; ср. также: Назаренко 2011, с. 287. Это обстоятельство специально отмечается у Гельмольда (Helm., кн. I, гл. 49, с. 97 <под 1128 г.>).

rex Obotritorum. Любопытно при этом, что уже упоминавшегося Хенрика, сына Готшалка, Гельмольд чаще называет не *rex*, а *princeps* (*princeps Sclavorum*), но при этом совершенно недвусмысленно сообщает, что после победы над руянами власть Генриха над славянскими племенами расширилась и «во всей земле славянской и нордальбингской его называли королем (*rex*)»²⁴.

Другой латиноязычный источник, с замечательной подробностью излагающий династические взаимоотношения потомков Свейна Эстридссона и потому чаще всего, наряду с сочинением Гельмольда, привлекаемый для реконструкции деталей конфликта, это «Деяния датчан» Саксона Грамматика. В этом тексте титул *rex* по отношению к Кнуту не употребляется никогда. Более того, здесь мы находим эпизод с обвинением Кнута в узурпации королевского титула и его оправданиями на сей счет, согласно которым он королем не является и не именуется, его люди (датчане?) зовут его господином (*Herum te mei, non regem appellant*), тогда как славяне, желая обычным образом выказать ему почтение, величают его *dominus*²⁵.

Иначе говоря, текст «Деяний датчан» в этой своей части чрезвычайно близок тексту службы Кнуту Лаварду. Если же учесть, что большинство исследователей склоняются к тому, что Саксон Грамматик в той или иной мере опирался на интересующую нас службу²⁶, то подобное совпадение является не только дополнительным аргументом в пользу данного предположения, но и говорит о некотором единстве точек зрения на статус Кнута Лаварда, противопоставленных, например, воззрениям Гельмольда.

Заметное и весьма существенное для нас расхождение между «Деянием датчан» и службой заключается в том, что у Саксона исчезает славянское слово *knese* и связанная с ним тема лингвистического недоразумения (или, как мы уже знаем, квази-недоразумения), неверного перевода некими датчанами славянского термина власти. Характерно, однако, что, отказавшись от неактуального *knese* и заставив славян в этом пассаже использовать заурядное *dominus*, автор «Деяний датчан» вводит в смежную конструкцию того же построения относительно раритетный архаизм *erus / herus* 'господин, хозяин'²⁷. Ассоциативно он мог быть связан для автора со скандинавским *herra* 'государь', но так или иначе, и в службе, и у Саксона Грамматика налицо стремление различными средствами передать некое особое и очевидно важное для ситуации слово, которое прилагали к Кнуту, сыну Эйрика Доброго.

²⁴ Helm., кн. I, гл. 36, с. 72.

²⁵ *Herum te mei, non regem appellant. Itaque cum a Sclavis dominus salutari consueverim, sinistri tantae comitatis interpretes alienae urbanitatis occasione insimulationis materiam aucupantur, ipsique, venerationis officia neglegentes, etiam aliorum iusta criminantur obsequia. Ego vero non regnum, ut aisti, vocabulo usurpo, sed, temperata nominis dignitate, fastuosum salutationis decus fugio, invidendum honoris fastigium sperno. Ita absque omni maiestatis tuae praeiudicio barbara circa me resultat humanitas* (Saxo, кн. XIII, гл. 5, § 9, с. 351).

²⁶ См. подробнее: Chesnutt 2003, с. 56 и примеч. 93, с указанием литературы.

²⁷ Blatt 1957.

Вернемся теперь к отмеченному нами парадоксальному противоречию двух точек зрения на титул Кнута. Почему же Гельмольд, составивший свой текст до прославления Кнута Лаварда, сообщает о его более высоком титуле, тогда как в службе, посвященной этому святому (а заодно и у Саксона), всячески подчеркивается, что тот не обладал титулом *rex* и не претендовал на него? Как кажется, причина этого разногласия вполне подлежит восстановлению.

Как раз на период между завершением сочинения Гельмольда и появлением двух других текстов приходится время очередной и весьма успешной датской экспансии в славянские земли. В 80-е годы XII в., при внуке Кнута Лаварда, названном в его честь, именование «король славян» наконец становится нераздельной частью официальной титулатуры королей Дании (*Kanutus dei gracia Danorum Sclauorumque rex*)²⁸. В этой новой политической ситуации независимое употребление термина «король славян» вновь оказалось политически бестактным при живом короле Дании²⁹. В первой трети XII в. эта неуместность сосредоточивалась в слове *rex*, поскольку если младший родич конунга берет себе такое именование, то он недвусмысленно претендует на датскую корону, тогда как в конце того же столетия неуместным для такого родича становится определение *Sclavorum*, поскольку оно должно принадлежать тому, кто уже правит Данией. Весьма характерно, что позднее, в XIII в., когда острота всех этих политических коллизий заметно смягчается, а Кнут Лавард остается прославленным и любимым датским святым, его снова, как в тексте Гельмольда, без помех именуют *rex Sclavorum*, хотя чаще всего он называется *Danorum dux*, но никак не *dominus*³⁰.

Строго говоря, на этом можно было бы остановиться и представить, что весь эпизод с титулатурой Кнута – это результат некоторого литературно-политического спора, который происходит исключительно в текстовом пространстве и в том времени, когда эти тексты составлялись, т.е. во второй половине XII – начале XIII в., много десятилетий спустя после гибели датского династа, причисленного к лику святых. С другой стороны, для нас

²⁸ См., например: DD, т. III, с. 338 <№ 215>; т. IV, с. 43 <№ 24>; DS, с. 143 <№ 118>.

²⁹ Отчасти сходное объяснение известного противоречия между рассуждением Гельмольда и перспективой литургического текста вкупе с зависимым от него Саксоном Грамматиком содержится и в работе П. Бороня (2010, с. 112–115). Правда, автор, ориентируясь не на употребление титулов в конкретных документах, а скорее на общеполитическую ситуацию, полагает, что своеобразное умаление титулатуры Кнута Лаварда (от *rex* к *dominus*) произошло еще в 70-е гг. XII в., непосредственно в период канонизации, при его сыне Вальдемаре Великом. Однако такая точка зрения подразумевает очень раннее возникновение интересующего нас текста службы (что представляется маловероятным современным исследователям и публикаторам). Кроме того, если бы текст службы и в самом деле был написан при дворе Вальдемара Великого, тем менее вероятно предположение П. Бороня (с отсылкой к непоименованным языковедам), что слово *knese* в Дании могло в самом деле в ту пору восприниматься как этикетное обращение к человеку, не облеченному княжеской властью (с. 116).

³⁰ См., например: DMA, с. 56 <под 1109 г.>, 108, 163 <под 1115 г.>.

очень существенно, что все три памятника – «Славянская хроника», «Деяния датчан» и служба Кнуту Лаварду – явно объединены одним и тем же мотивом: король Нильс и его сын Магнус возмущены титулом, которым пользуется Кнут среди своих приближенных, а тому приходится давать объяснения и/или улаживать дело, проявив должную почтительность к дяде и дружеские чувства к кузену. Во всех трех латиноязычных текстах речь идет о титуле *rex*. Устойчивость данного мотива, способного функционировать в разнонаправленных контекстах, заставляет заподозрить присутствие за ним некоей подлинной, собственно скандинавской коллизии, имевшей место при жизни Кнута. Сопоставление же этих контекстов способно прояснить, как кажется, какие автохтонные термины и выражения – на сей раз скандинавские – эту коллизию провоцировали.

Как мы помним, и у Саксона Грамматика, и в службе Кнут, стремясь оправдаться перед дядей, упоминает о том, что его люди называют его *dominus*, т.е. ‘господин, владетель’. Из этих текстов создается впечатление, что речь идет о какой-то сомнительной отговорке, особенно когда объясняется, что *knese* это не более чем *dominus*, а то и другое вместе – не более как почтительное обращение к уважаемому человеку. Между тем, судя по скандинавским текстам, Кнут действительно обладал устойчивым именованием, которое как будто вполне адекватно переводится как *dominus*. В древнесеверных источниках он фигурирует как Кнут *Lávarðr*, точно так же его называет в одном случае и Гельмольд, почерпнув, по всей видимости, это именование из автохтонной датской традиции и соединив его с титулом *rex*³¹. Возникает подозрение, что именно этот эпитет (представляющий собой древнеанглийское заимствование – ср. среднеанглийское *lāuerd* и современное английское *lord*)³² и стоял за проникшей в латиноязычные тек-

³¹ *Postquam igitur mortuus est Kanutus cognomento Lawardus rex Obotritorum...* (Helm., Кн. I, гл. 52, с. 102 <под 1131 г.>)

³² Исследователи возводят интересующий нас термин к древнеанглийскому *hlāfweard*, образованному путем сложения *hlāf* ‘хлеб’ и *-weard* ‘хранитель, страж’ (по той же модели, что и *hlāfbrytta* ‘раздаватель хлебов’, *hlāfdighe* ‘выпекающая хлеб’ и т.п.), неизменно подчеркивая, что из всех германских языков подобные конструкции с элементом *hlāf* были продуктивны исключительно на англосаксонской почве (последнее по времени обсуждение проблематики, связанной с данным кругом лексики, см. в работе: Brink 2008, с. 7–9 <с указанием литературы>). Что же касается исконной семантики соответствующих сложных слов и в особенности нашего термина *hlāfweard* > *lord*, то уже у англосаксов с самого начала она была ориентирована на описание владельческих, властных и распорядительных полномочий. Основное его значение в древнеанглийских памятниках – *dominus*, *herus* (см., например, соответствующую статью в словаре: Bosworth, Toller 1898, с. 540). Как это часто бывает, семантика целого отнюдь не сводилась к простой сумме значений составляющих.

В скандинавские же языки данное слово проникает относительно поздно (предположительно, в эпоху Кнута Могучего) в качестве цельнооформленного композита, элементы которого, как нетрудно убедиться, к тому времени претерпели весьма существенную фонетическую трансформацию, естественным образом затемняющую внутреннюю структуру слова. Едва ли возможно, поэтому, согласиться с тезисом А.В. Назаренко, усматривающе-

сты историей столкновения племянника и дяди. Но что дурного и опасного могло быть в этом прозвище, буквальный перевод которого ('господин', 'dominus'), казалось бы, столь невинен в перспективе «обобщенно европейской» структуры властных отношений?

Первый намек на разгадку можно найти в гельмольдовом описании встречи конунга Нильса и Кнута в Шлезвиге, в ту пору, когда последний уже правил ободритами. Здесь рассказывается, что Кнут – во всяком случае, до определенного момента – отстаивает свое равенство с дядей. При этом в повествовании есть и попытка установления иерархических отношений между двумя правителями – Нильс именуется «старшим королем» (*rex senior*) и, как можно догадаться, исходя из дальнейшего изложения, речь идет отнюдь не об одном только возрасте³³. Жена Нильса и мать Магнуса подстрекает своего сына к убийству кузена, говоря, что тот «взяв скипетр, уже правит государством» и объявляет его врагом, «который не боится еще при жизни отца твоего присвоить себе королевский титул»³⁴.

го в именовании *lávárðr* отражение тех симпатий, которые Кнут снискал среди датчан во времена своего правления, поскольку, по утверждению исследователя, «один из вариантов расшифровки прозвища Лавард – это Хлебодавец» (Назаренко 2011, с. 287). Датчане XII в. скорее всего не имели ни возможности, ни нужды для подобной семантической деконструкции, тем более что в дошедших до нас древнескандинавских текстах заимствование *lávárðr* употребляется также исключительно в значении 'dominus, herus' (см. ниже). Таким образом, все коннотации этого прозвища замечательно подходили для подтверждения симпатий подданных и без весьма затруднительной для датчан процедуры восстановления его древнеанглийской этимологической структуры.

³³ Совсем иной смысл имеет указание «младший конунг» (*enn yngri Knutr konungr*) применительно к Кнуту Лаварду в исландском итинерарии XII в., где сообщается о том, что он покоится в Оденсе. В данном случае он явным образом соотносится со своим дядей и тезкой, Кнутом Святым, который, соответственно, мыслится как «старший» (*enn helgi Knutr konungr enn ellri*). Для нас примечательно, однако, что оба Кнута в этом источнике наделяются совершенно равными титулами *konungr* (AÍ, с. 11–12).

³⁴ *Circa tempus dierum illorum accidit, ut Kanutus rex Obotritorum veniret Sleswich, habiturus cum patruo suo Nicolao curiale colloquium. Cum autem populus venisset in concionem, et rex senior sedisset in trono, indutus cultu region, Kanutus assedit ex opposite, gestans et ipse coronam regni Obotritorum, stipatusque satellitum agmine. Sed cum rex patruus videret nepotem suum in fastu region, sibi que nec assurgere, nec osculum ex more dare, dissimulare iniuria, transiit ad eum, oblaturus salutationem cum osculo. Cui ille occursans ex medio, sese per omnia patruo et loco et dignitate adequavit. Quod factum Kanuto letale odium conscivit. Nam Magnus, filius Nicolai, cum matre huic spectaculo assidens, incredibile dictum est quanta ira exarserit, dicente ad eum matre sua: Nonne vides, quia nepos tuus sumpto sceptro iam regnat? Arbitrari ergo eum hostem publicum, qui vivente adhuc patre tuo, nomen sibi regium usurpare non timuit. Quod si longius dissimulaveris et non occideris eum* (Helm., кн. I, гл. 50, с. 98 <под 1131 г.>) «Случилось около этого времени, что Кнут, король бодричей, прибыл в Шлезвиг на торжественное собеседование с дядей своим Николаем. Когда народ собрался и старший король, облаченный в королевские одежды, сидел уже на троне, Кнут, охраняемый толпой своих сподвижников, с короной Бодричьего королевства на голове, сел напротив него. Король-дядя, видя, что племянник его в королевском уборе перед ним не встает и не дает ему, согласно обычаю, лобзания, затаил обиду и подошел к нему, намереваясь приветствовать его лобзанием. Но тот вышел ему навстречу на середину [покою],

В этих репликах нетрудно увидеть, как «ободритская проблематика», отработав свою функцию повода к ссоре, теряется и уступает место подлинно актуальной для спорящих теме власти над датским королевством. При этом кажется, что термин «старший король» (подразумевающий существование и короля младшего) имеет самое непосредственное отношение не только к этой общей теме, но и к интересующему нас прозвищу *lavarðr*, точнее к той его роли, которая отчасти скрыта от современного читателя.

В самом деле, это слово, не будучи особенно частотным, надежно зафиксировано в источниках самого разного типа (сагах, правовых текстах, в переводах латинских цитат и т. д.). Его значение практически не меняется в зависимости от жанра памятника и вполне адекватно передается терминами ‘господин, хозяин, *dominus*’; весьма охотно, в частности, оно используется в контекстах, противопоставляющих рабов их хозяину и господину, однако употребление его такими случаями отнюдь не ограничивается³⁵. В качестве

приравняв себя, таким образом, к дяде и по месту и по достоинству. Такой поступок Кнута навлек на него смертельную ненависть. Ибо трудно описать, в какую ярость впал Магнус, сын Николая, присутствовавший с матерью на этом зрелище. Мать сказала ему: ‘Разве ты не видишь, что двоюродный брат твой, взяв скипетр, уже правит государством? Считай же, что он – враг, который не боится еще при жизни отца твоего присвоить себе королевский титул. Если ты еще долго не будешь обращать на это внимания и не убьешь его, то знай, что он лишит тебя я жизни и государства’ (пер. Л.В. Разумовской).

³⁵ Что касается текстов поэтических, то это слово отсутствует у скальдов и встречается лишь в произведении конца XII – начала XIII в. «Пророчество Мерлина», созданном в русле позднееддической традиции.

В правовых текстах мы обнаруживаем *lavarðr* в шведских законах, в конструкции, противопоставляющей рабов и хозяина (SGL, т. I, с. 41), в норвежском «Дружинном праве» Магнуса Хаконарсона, в статье о предательстве своего господина, где в пределах одного периода на равных выступают термины *herra* и *lavarðr*, тогда как в другом списке этого источника на месте слова *lauarðar* фигурирует *höfðingja* (NgL, т. II, с. 435–436).

Это слово может использоваться и в памятниках переводных или составленных под очевидным влиянием континентальной традиции. В «Речи против епископов», сочинении эпохи конунга Сверрира, *lavarðr* употребляется при цитировании как эквивалент латинского *dominus* (Storm 1885, с. 14). В «Королевском зеркале», созданном в Норвегии в середине XIII в., упоминается, что Адам был господином (*lavarðr*) зверей, а Ева – их госпожой (*lafdi*): *...Adamr er várr lavarðr, en þú ert várt lafdi* (Kgs., с. 107 <гл. XLV>). В этом же тексте о ветхозаветном Иосифе рассказывается, что тот сперва был рабом, проданным за деньги в чужой народ, а затем Господь его возвысил до того, что он стал господином (*lavarðr*) и высочайшим после конунга судьей над всем Египтом (Kgs., с. 99 <гл. XLII>). В «Саге о Варлааме и Иосафе» слово *lavarðr* используется применительно к Христу (Barl., с. 42 <гл. XLVIII>, 113, 115 <гл. CXIX>), оно же содержится и в «Саге об Александре [Македонском]» в значении ‘повелитель, господин, хозяин [рабов]’ (Alex., с. 33, 113).

Иногда *lavarðr* встречается в королевских сагах, принадлежащих автохтонной традиции, оно появляется здесь в контекстах, знакомых нам и по другим типам источников. Здесь можно отметить жизнеописание Олава Трюгвасона монаха Олда, которое первоначально, как известно, было составлено на латыни и достаточно рано переведено на древнеисландский, причем от латинского оригинала до нас дошли лишь незначительные фрагменты. Там, где речь идет об отрочестве конунга Олава, проданного в рабство на Русь, слова его дяди, слу-

обращения *lávvarðr* иногда применяется к Христу и к отдельным святым (как это с куда большей регулярностью происходит с его прототипом в древнеанглийских текстах).

В качестве прозвища же или постоянного приименного эпитета оно фигурирует чрезвычайно редко, более того, в такой функции оно не встречается за пределами династического обихода и, с другой стороны, отличается по нескольким формальным и не вполне формальным показателям от «общей массы» разнообразных династических прозваний. Пожалуй, наиболее очевидно это отличие проступает в том, что оно, как будто, не несет никакой привычной информации ни об индивидуальных, ни даже об индивидуально-родовых особенностях его обладателя. В самом деле, трудно не обратить внимание, насколько, например, это именование выбивается из круга прозвищ ближайших родичей Кнута (Эйрик Добрый, Олав Голод, Эйрик Заячья Нога / Незабвенный, Эйрик Дьякон, Эйрик Агнец и т. п.). Более того, *lávvarðr*, судя по узусу саг, ни в коей мере не было стандартной формой адресации к правителю, так что его появление не может быть объяснено и простым развитием прозвания из обращения³⁶.

Весьма существенно, кто, кроме Кнута, в Скандинавии носит прозвание *lávvarðr* – это сын Сверрира, короля Норвегии, живший в конце XII в.:

чайно нашедшего племянника, приводятся следующим образом: «Хочешь, родич, я выкуплю тебя у твоего хозяина (*lauarði*), и ты не будешь более у него в рабстве и услужении?» (ОТ. Oddr, с. 25 <гл. VIII>). В «Отдельной саге об Олаве Святом» оно фигурирует в качестве обращения к святому в рассказе о посмертных чудесах Олава (ОН, с. 247 <гл. 275>).

Некоторый особый интерес представляет, возможно, появление интересующего нас слова в «Саге о сыновьях Харальда Гилли» (см. ниже, след. примеч. в нашей работе).

³⁶ В «Саге о сыновьях Харальда Гили» *lávvarðr* фигурирует как значимый элемент поэтики текста, послужив основанием для построения фабулы одного из ключевых эпизодов. Конунг Эйстейн, оставленный своими сторонниками, был вынужден скрываться в лесу и неожиданно столкнулся с отрядом под предводительством Симона Ножны, который прежде был человеком Эйстейна, а затем переметнулся на сторону его соперника. Между ними состоялся следующий диалог: «Симун приветствовал его: – Привет тебе, господин (*heill, lávvarðr*)! – говорит он. Конунг отвечает: – Наверно, ты считаешь, что теперь ты мой господин (*minn lávvarðr*). – Похоже на то, – говорит Симун. Конунг стал просить, чтобы тот помог ему бежать, и сказал: – Тебе бы это подошло. Ведь мы долго были друзьями, хотя сейчас дело обстоит иначе. Симун сказал, что ничего такого не будет» (Нкг., т. III, с. 395 <гл. 32>; КЗ, с. 537; Msk., с. 462; интересующий нас термин отсутствует в соответствующей сцене в «Красивой коже»: Fsk., с. 356 <гл. 86>). По-видимому, слово *lávvarðr* отражает здесь не только трагическую иронию перемены ролей, когда недавний подданный получает возможность распоряжаться судьбой утратившего власть правителя, но и является отсылкой к той правовой ситуации, которая изложена в законе Магнуса Хаконарсона, где подлинным злодеем (*sannr-niðingr*) объявляется тот, кто предал или обманул своего господина (*svikare lauvarðar sins*) – см. выше, примеч. 35. Не случайно в скальдическом стихотворении Эйнара сына Скули, который цитируется в тексте саги, напрямую сказано, что Симун предал своего господина (*sveik stilli*). Таким образом, *lávvarðr* используется в качестве прозаического синонима поэтизма *stilli*.

У Сверрира конунга было два сына: старший был Сигурд по прозвищу Лавард, другого звали Хакон...³⁷

Права Сверрира на норвежский престол, как известно, были достаточно сомнительны (сам он утверждал, что он был побочным сыном полноправного норвежского конунга Сигурда Рта), ему удалось придти к власти лишь в результате затяжной гражданской войны, и все годы своего правления он, пользуясь поддержкой и преданностью одних, продолжал вызывать неослабевающую ненависть со стороны других.

В такой ситуации Сверрир стремился всеми возможными средствами закрепить власть за будущими поколениями своего рода и, естественным образом, в первую очередь за своим старшим сыном. Он постарался, в частности, выразить свою волю и на символическом языке династических имен, дав своему наследнику второе имя *Сигурд*, в честь короля Сигурда Рта, чьим отпрыском, хотя и незаконным, представлялся Сверрир. Однако прежде, как сообщает Саксон Грамматик, мальчик носил имя *Унас*, в честь Унаса, гребенщика с Фарерских островов, законного мужа матери Сверрира, который считался его отцом и, соответственно, дедом Сигурда-Унаса³⁸.

³⁷ Sv., с. 108 <гл. 100>; ССв., с. 102. Это прозвище Сигурда надежно зафиксировано не только в «Саге о Сверрире», составленной и записанной при жизни этого конунга (и при его активном участии в формировании текста), но и в других источниках. См., например: Fsk., с. 390; Esp., с. 318, 351; CFr., с. 388; Flat., т. II, с. 592, 623, 639, 647, 685; IA, с. 121 <под 1200 г.>, 181 <под 1200 и 1204 гг.>, 255 <под 1204 г.>. В ряде случаев этот сын короля Сверрира именуется не *Sigurðr Lávarðr*, но просто *Lávarðr*.

³⁸ *Et ne generis titulo carere videretur, originem mentitus, Haraldum Hyberniensem avum sibi vindicando, Siwardo se procreatum confingit. Cuius etiam nomen filio, quem antea patris vocabulo Unam appellaverat, aptavit. Et ut omnia prioris fortunae momenta subrueret proavusque vocabulo in eo repraesentari crederetur, simulatae prosapiae decus novi nominis ornamentis usurpare sustinuit Magnumque se in argumentum generis vocitari constituit. Quod tam impudens mendacium, turbulento militum errore credulaque vulgi suffragatione protectum, ad totius Norvagiae cruentissimam stragem extremamque perniciem penetravit* (Saxo, кн. XIV, гл. 53, с. 502) «...Некий Сверрир, сын ремесленника, отказавшись от священнического сана, который он некоторое время носил в Ферогии <Фарерские о-ва. – А.Л., Ф.У.>, прибыл в Норвегию [и] под воздействием [того] обстоятельства, что Эрлинг убил некоего Эйстейна <Девчушку. – А.Л., Ф.У.>, сменил церковное поприще на военное. Ему [Сверриру] случайно попался навстречу отряд этого [Эйстейна], спасавшийся бегством через пустоши. Он сделался его вождем и стал бороться за власть с недавними победителями. А дабы не показалось, что [у него] нет [на это] признака родovitости, [Сверрир] солгал о [своем происхождении], обманно заявив, что он внук Харальда Хибернийского <Харальда Гилли. – А.Л., Ф.У.> и сын Сигурда <Рта. – А.Л., Ф.У.>. Именем же его [Сигурда, Сверрир] наделил сына, которого прежде по имени [своего] отца назвал Унасом. А чтобы скрыть все перемены в прежней судьбе и [чтобы] поверили, что прадед (или предок) представлен в нем [своим] именем, он не постеснялся присвоить славу рода, к которому не принадлежал, украсив себя новым именем и постановив, чтобы в подтверждение родovitости его называли Магнусом. Эта столь бесстыдная ложь, которая, вследствие заблуждения сбитых с толку воинов и поддержки, [оказывавшейся Сверриру] доверчивым народом, не была раскрыта, стала причиной жесточайшей резни и величайшего кровопролития по всей Норвегии» (пер. В.В. Рыбакова). Ср.: Успенский 2001, с. 39.

По всей видимости, эпитет *lavarðr* ‘господин’, присовокупляемый к этому новому имени, в еще большей мере служил тем же целям прижизненной десигнации, назначения преемника власти. В некоторых из упомянутых нами выше текстов, где слово *lavarðr* фигурировало не как прозвище, быть может у него можно вычленить некоторые коннотации, подводящие к значению ‘персона, стоящая на одну ступень ниже действующего правителя’, ‘персона, обладающая правом на власть, но не самой властью’. Правда, эти коннотации недостаточно определены, чтобы на них можно было строить надежные заключения о семантике слова как такового. В любом случае, прозвища и приименные характеристики, как известно, обладают способностью усиливать и видоизменять отдельные семантические составляющие имени нарицательного, от которого они происходят. *Lavarðr*, вполне освоенный, но не слишком частотный заимствованный синоним автохтонного *herre* как нельзя лучше подходил для такого рода смыслового сдвига, отражающего, если так можно выразиться, превращение *господина* (Сигурда, Кнута) в *Кнута Господина* и *Сигурда Господина*.

Таким образом, необычное именование *lavarðr*, по-видимому, оказывалось в данном случае ближе к титулу, нежели к собственно прозвищу. Подобного рода специальное именование наследника престола, иногда явственно указывающее на то, что он является прямым потомком (а не, скажем, братом или племянником) правившего короля, как известно, существовали в средневековой Европе. Достаточно упомянуть хотя бы устойчивый с XIV в. титул *дофин* (возникший, как известно, в силу исторического закрепления почти случайного культурного феномена), который носили те из наследников французской короны, которые были сыновьями или внуками правителей.

О том, что Кнута Лаварду была уготована именно такая роль преемника, объявленного отцом при жизни последнего, рассказывается в «версии Гельмольда», согласно которой Эйрик Добрый, отправляясь в паломничество в Иерусалим, оставил своего сына на попечение брата Нильса с тем, чтобы тот передал ему власть над Данией, когда мальчик вырастет, если самому Эйрику не суждено будет живым вернуться из Святой Земли³⁹. Характерным образом, у Саксона Грамматика сюжет о распоряжениях перед паломничеством сохраняется, но связывается с другой группой персонажей. Здесь Магнус Нильссон прибегает к такого рода указаниям в качестве уловки, призванной усыпить бдительность Кнута Лаварда – он делает вид, что, примирившись с кузеном, собирается в паломничество и хочет поручить свою семью его заботам⁴⁰. Таким образом, в тексте Гельмольда этот сюжет, помимо всего прочего, «работает» на создание общей картины легитимности имено-

³⁹ Helm., кн. I, гл. 49, с. 96 <под 1102 г.>.

⁴⁰ Saxo, кн. XIII, гл. 6, § 3, с. 353.

вания Кнута титулом *rex*, тогда как у Саксона он используется в совершенно нейтральном с этой точки зрения контексте и призван лишний раз подчеркнуть вероломство Магнуса.

Следует учитывать, что в Скандинавии в ту пору еще не существовало сколько-нибудь единообразного и отлаженного механизма десигнации, при том что потребность упорядоченности в деле передачи власти ощущалась все сильнее и сильнее. Традиция как будто бы пробует и примеряет различные пути, какими конунг может указать своего наследника. Одним из древних приемов такого рода было использование династических имен, в известном смысле воплощающих всякий раз волеизъявление правителя относительно будущей судьбы новорожденного⁴¹. Однако покуда ребенок рос, политическая ситуация изменялась, соответственно, могло изменяться как положение его отца, так и его собственный статус, и это вызывало к жизни необходимость новых средств для декларации властных перспектив.

Если наша догадка верна и своеобразный титул-прозвище *lávardr*, который носили Сигурд-Унас Норвежский и Кнут Датский, в династическом обиходе имел оттенок значения 'наследник власти', то, будучи одним из окказиональных инструментов десигнации, он мог оказаться весьма опасным для его обладателя. Устойчивым титулом преемника ему, как известно, стать не пришлось, однако судя по тем двум династическим ситуациям, в которых он воспроизводится на протяжении XII в., шансы на это у него были.

По-видимому, ради выделения Кнута было применено и еще одно инновационное для Скандинавии средство – мы имеем в виду титул *dux* или *hertogi*, который он получил (по-видимому, с согласия дяди) вместе со Шлезвигом, причем Гельмольд указывает, что Кнут сделался герцогом всей Дании⁴². Таким образом, речь шла о символическом акте, знаменующем нечто большее, чем обладание властью над Шлезвигом. В дальнейшем *dux* и, соответственно, *hertogi* становятся едва ли не самыми распространенными эпитетами Кнута как в скандинавских, так и в латинских источниках. При этом весьма существенно, что до Кнута мы не знаем ни одного скандинавского династа, кто носил бы это именование как титул⁴³.

⁴¹ См. подробнее: Успенский 2001, *passim*.

⁴² Helm., кн. I, гл. 49, с. 96 <под 1102 г.>.

⁴³ Буквальное значение скандинавского *hertogi* – 'предводитель войска, воевода', именно в этом смысле оно употребляется у скальдов X–XI вв. Ср. лексикографическое замечание Снорри Стурлусона в «Языке поэзии»: *Hertogi heitir jarl, ok er konungr svá kallaðr ok, fyrir því er hann leidir her til orrostu* «Ярл зовется 'воеводою' (*hertogi*). Также называют и конунга, ибо он ведет воинов на битву» (SnE, с. 138; МЭ, с. 169). Позднее, в соответствии с этим значением, оно могло выступать в прозе как эквивалент латинского *consul*. Соотнесение же его с латинским *dux* и родственным ему средненижненемецким *hertoge*, *hertoch*, по-видимому, совпадает по времени с закреплением за ним функции титула. Согласно сагам, впервые как постоянный эпитет *hertogi* употребляется по отношению к некоему Гутхорму, правителю Вика, который жил в эпоху Харальда Прекрасноволосого (X в.) и был приемным отцом и

Это нововведение было несомненно позаимствовано от немцев, и именно в силу его новизны для Дании довольно трудно оценить функции и полномочия, с этим титулом связанные. Получи его Кнут от Лотаря, было бы относительно ясно, о каких властных привилегиях идет речь, так как для этого правителя он был бы традиционным элементом династической иерархии, однако какой в точности смысл могли вкладывать в него датские короли Эйрик и Нильс и их окружение?

На протяжении столетия с лишним этот титул остается в Скандинавии весьма соблазнительным, но не всегда бесспорным предметом оживленной рефлексии. Так, в XIII в. Снорри Стурлусон стремился «научно-художественными» средствами обосновать наделение этим титулом Скули⁴⁴, который фактически был правителем Норвегии в пору малолетства Хакона Хаконарсона, внука короля Сверрира, и с какого-то момента явно пытался оттеснить его от власти, чтобы занять престол самому. В Дании герцогский титул приживается раньше: А.В. Назаренко отмечает, что уже при Вальдемаре Великом, сыне героя нашей работы, он напрямую ассоциировался с секундогенитурой, им обладали те, кто мог быть назван вторым лицом в династической иерархии⁴⁵. По справедливому замечанию исследователя, мы едва ли можем на основании позднейшего положения вещей приписывать подобной титулатуре Кнута строго аналогичную функцию, однако кажется весьма правдоподобным (особенно если учитывать острую реакцию современников), что прообраз такого понимания дела в северных странах имел место всегда, когда этот титул применялся впервые. Иначе говоря, на скандинавской почве этот усвоенный извне титул трактовался как наивысшая ступень, непосредственно ведущая к достоинству конунга.

С другой стороны, следует принять во внимание и то обстоятельство, что при общей новизне практики десигнации и некоторой неопределенности ее осуществления в Скандинавии был жив и актуален институт соправления. Племянник и дядя, отец и сын или несколько единокровных братьев

воспитателем его сына Гутхорма (Нкр., т. I, с. 138–139; КЗ, с. 57 <гл. XXVIII>). Однако далее следует хронологически весьма длительный провал в употреблении данного слова в качестве приименного эпитета, а о самом Гутхорме, воеводе из Вика, нам известно лишь то немногое, что сообщает о нем в «Круге Земном» Снорри Стурлусон (ср.: Успенский 2001, с. 93). Не исключено, что самый этот образ воеводы-воспитателя Снорри выстраивает ради аналогии со своим современником и покровителем, норвежским герцогом Скули (ср.: Klingenberg 1998, с. 71–72; 1999, с. 459; Успенский 2005).

⁴⁴ Напомним, что Скули, сын Барда, был первым в Норвегии, кто получил именование *hertogi* в качестве титула, как об этом сообщает «Сага о Хаконе Старом»: *...þat tignarnafn hafdi engi feingit fyrr i Noregi* «...этим титулом никто прежде не обладал в Норвегии» (Flat., т. III, с. 117); произошло это в 1237 г.

⁴⁵ Назаренко 2011, с. 287. Не исключено, что титул *dux* приобретает в это время особую значимость отчасти потому, что так именовался в свое время Кнут Лавард. Напомним, что именно *dux Danorum* закреплено за ним в качестве титула в канонизационной булле папы Александра III (DD, т. II, № 190).

могли поделиться властью с тем, чтобы после смерти одного из них управление страной наследовал тот, кто останется в живых, как это было в Норвегии в случае с Магнусом Добрым и Харальдом Суровым или с сыновьями Харальда Гилли. С точки зрения длительной династической стратегии прижизненное назначение единственного наследника (сына или внука) и раздел державы (хотя бы и временный) ради соправительства родичей – действия совершенно разнонаправленные, в каком-то смысле противоположные, но при конкретных обстоятельствах они вполне могли трактоваться в едином ключе, как разумное разрешение династической коллизии. Собственно говоря, назначение соправителем малолетнего сына или внука (как это было в 1171 г. в случае с Вальдемаром Великим и его сыном Кнудом) это типологически весьма частотная династическая стратегия перехода от модели соправления взрослых, связанных, так сказать, по горизонтали, к модели трансляции власти по вертикали.

С точки зрения средневековой аудитории, конунг Нильс мог хотя бы поделиться страной с сыном своего старшего брата, коль скоро тот некогда оставил его на руках у дяди с условием передать ему со временем всю полноту власти. Называя Кнута *Лавардом*, приближенные сына Эйрика Добро-го всякий раз как бы напоминали – вольно или невольно – об этом Нильсу, актуализируя идею «младшего правителя» при «правителе старшем». Не исключено, что Нильсу в определенный момент пришлось сделать уступку этим ожиданиям, наделив Кнута титулом *dux*. Если ситуация и в самом деле была такова, она едва ли могла устраивать короля и тем более его сына Магнуса, а для самого Кнута, когда сила оказывалась не на его стороне, порождала необходимость перманентных объяснений и оправданий.

Таким образом, мы исходим из предположения, что за построениями различных латинских авторов стоит собственно скандинавское полупрозвище-полутитул *lavarðr*. В пространстве нарратива латинской историографии, неожиданным образом, появляются новые возможности для всяческой игры и манипуляции с этим эпитетом. Совокупность его значений разводится, так что их можно противопоставить друг другу, тогда как на самом деле *rex* – это слишком сильное выражение заложенных в нем властных коннотаций, а *dominus*, напротив, слишком слабое. Славянское же *knese* замечательно подходит к делу, так как вбирает в себя всю совокупность значений *lavarðr* (как в функции имени нарицательного, так и в функции династического прозвища), отвечает реальному статусу, которым Кнуд обладал при жизни и в то же время при интерпретации оставляет место для маневра⁴⁶.

⁴⁶ В свое время Кнуд Йенсен в своей краткой заметке о прозвище Кнута Лаварда предложил, так сказать, обратную картину развертывания событий. Он полагал, что употребляемое датчанами именование *lavarðr* появилось у них как перевод славянского *князь* (Jensen 1934, с. 190–191). Однако он не принимал во внимание существование другого скандинавского ди-

Итак, Кнут погиб, по-видимому, от того, что еще в детстве была предпринята попытка задать совершенно определенный вектор в передаче власти от одного поколения потомков Свейна Эстридссона другому и закрепить за ним первенство среди внуков основателя династии. Однако вопрос о том, почему именно Кнут, оказывается разрешенным не до конца – очевидно, что для Эйрика было бы желательно, чтобы власть со временем унаследовали именно его сыновья, но, как уже говорилось, Кнут не был ни единственным, ни старшим из его отпрысков.

Пытаясь определить причины этого выбора, мы вновь должны вернуться к проблеме поиска новых властных технологий в датской династии. В XII столетии разросшийся род Свейна Эстридссона так или иначе был вынужден считаться не только с изменившимися внешнеполитическими обстоятельствами, но и с воздействием «медленных» культурных процессов, с которыми страна впервые соприкоснулась в эпоху христианизации.

В течение предшествующего века на всем пространстве обращенной Скандинавии права незаконнорожденных сыновей правителя лишь немногим отличались от прав сыновей законных. Это «немногое» само по себе чрезвычайно интересно в историко-культурном отношении, его ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов, так как оно, с одной стороны, вообрало в себя целый ряд более древних дифференцирующих моделей, различающих права детей разного статуса, и, с другой стороны, все в большей мере испытывало воздействие христианского права и определялось воззрениями западной церкви на проблему законности рождения правителя. Как бы то ни было, каждой из скандинавских стран предстояло претерпеть изменения порядка наследования власти от относительно нейтрального отношения к фигуре бастарда на престоле, каковое объединяло их все в XI в., до достаточно категоричного неприятия подобного положения вещей.

В Норвегии, например, этот рубеж был перейден достаточно поздно, и на протяжении всего XII и части XIII столетия власть в стране по тем или иным причинам почти всегда оказывалась в руках незаконных отпрысков конунгов. В Дании же за довольно короткий промежуток времени ситуация изменяется разительно и наглядно – если из всех сыновей Свейна Эстридссона, переживших отца и правивших вплоть до начала 1130-х гг., ни один не был рожден в браке, то начиная с эпохи единовластия его правнука

наста, никак со славянами не соприкасавшегося, но обладавшего точно таким же прозвищем и весьма близким статусом – Сигурда Лаварда, сына конунга Сверрира. Не учтен здесь также целый ряд других обстоятельств, в частности, тот факт, что, коль скоро речь идет о переводе, славянское *князь* весьма последовательно передается в скандинавских источниках как *konungr*. Ряд пробелов и неточностей в этой ценной по материалу и постановке проблемы работе объясняется, по-видимому, «изоляционизмом» подхода автора, когда история Дании и датской династии XII в. рассматривается независимо от истории соседних скандинавских стран, что для той эпохи представляется несомненным анахронизмом.

Вальдемара Великого (т. е. с 1157 г.), королями становятся исключительно законные дети⁴⁷.

Разумеется, своеобразный промежуточный период с изменением удельного веса законности здесь все же имел место: прежде чем получить полную власть над страной, Вальдемар, как известно, делил ее с законнорожденным сыном Магнуса Нильссона Кнудом и незаконнорожденным отпрыском Эйрика Незабвенного Свейном Грате. Что еще более показательно, с 1137 по 1146 гг. страной правит Эйрик Агнец, законный сын внебрачной дочери Эйрика Доброго Рагнхильд (т.е. единокровной сестры Кнута Лаварда) и Хакона, сына Суннивы, потомка норвежских королей по женской линии. Он – первый из поколения правнуков Свейна Эстридссона на престоле, но для нас более знаменателен самый способ перехода власти к четвертому колелу этой датской династии. Весьма симптоматично, что первым в своем поколении ее получает человек, связанный с конунгами исключительно по линиям женского родства, но зато рожденный в законном браке.

С одной стороны, такая ситуация чем-то напоминает времена великого прадеда, Свейна Эстридссона, который, как известно, был законным сыном Эстрид, дочери Свейна Вилбородого, и ярла Ульва, человека знатного, но не королевской крови. С другой стороны, избрание Эйрика Агнца, свершившееся в эпоху смуты и гражданских войн (оно последовало за убийством на тинге предшествующего конунга Эйрика Незабвенного) не может не вызвать в памяти типологически сходную коллизию, имевшую место несколько позднее в Норвегии, когда многочисленным незаконным сыновьям правителя в какой-то момент был предпочтен законный сын его дочери (Магнус Эрлингссон). Выбор в пользу законных отпрысков по женской линии в противовес бастардам опирался, помимо всего прочего, на явную поддержку церкви, на протяжении всего интересующего нас периода время от времени пытавшейся подтолкнуть скандинавских правителей как к соблюдению церковных установлений относительно родственных браков, так и к ограничению внебрачных союзов⁴⁸.

Для нас весьма существенно, что первые признаки перелома приходятся на еще более ранний отрезок времени, нежели «поколение правнуков», поколение Вальдемара Великого – в источниках тема законности происхождения начинает активно муссироваться уже относительно внуков Свейна

⁴⁷ В этом отношении весьма показательно, что Вальдемар Великий короновал в качестве своего соправителя в 1171 г. малолетнего сына Кнута, и это при том, что другой его сын Христовор к этому времени был уже вполне взрослым человеком. Решающее различие между ними заключалось в том, что младший был законнорожденным, тогда как старший – от наложницы. Не исключено, что одним из побудительных мотивов коронации Кнута Вальдемарссона при жизни отца было то обстоятельство, что сама по себе идея законного рождения еще не доминировала абсолютно над идеей старшинства в сознании подданных.

⁴⁸ См. подробнее: Nors 1996, с. 17–37.

Эстридссона. Правда, иногда за такого рода свидетельствами может стоять, по-видимому, архаическая многоступенчатость в понимании законности брака / рождения, а не христианская однозначность. В этом отношении весьма любопытны показания Саксона Грамматика, согласно которым Харальд Коппе отказал своему младшему единокровному брату Эйрику в выделении части из отцовского наследства на том основании, что тот рожден от незаконного сожительства (*adulterio ortum*)⁴⁹. При этом, как хорошо известно, от наложницы был рожден и сам Харальд, так что за этим конфликтом двух братьев, скорее всего, стояла попытка старшего указать на низкий статус матери Эйрика и, соответственно, отстоять более высокое положение своей собственной матери⁵⁰. С другой стороны, совершенно недвусмысленно, например, специальное указание, обнаруживаемое в «Краткой истории» Свейна Аггессона, на то, что Магнус, убийца Кнута Лаварда, был сыном своего отца, конунга Нильса, от законного брака⁵¹.

Роскильльская хроника, памятник, который из всех сохранившихся текстов наиболее близок по времени к описываемым событиям, также проявляет заметный интерес к законности происхождения внуков Свейна Эстридссона, причем именно здесь совершенно четко оговаривается, что единственным законным ребенком Эйрика Доброго был Кнут Лавард, что отличало его от всех братьев и сестер:

У него было три сына от наложниц: Харальд, Бенедикт, Эрик. От законной жены родился самый благородный по происхождению, по имени Кнут.⁵²

⁴⁹ Saxo, кн. XIII, гл. 4, § 2, с. 348.

⁵⁰ В перспективе Саксона Грамматика ситуация появления на свет двух этих братьев различается следующим образом: Харальд рожден в конкубинате, от незаконного сожительства (по-видимому, до брака), тогда как Эйрик – от прелюбодеяния (Saxo, кн. XII, гл. 3, § 6, с. 334), т.е. Эйрик оказывается «хуже» своего брата потому, что с точки зрения церкви прелюбодеяние хуже добрачного сожительства с наложницей. Здесь Саксон, судя по всему, переносит на эпоху Эйрика Доброго представления и правовые нормы своего времени – коль скоро речь идет о первой половине XII в., мы не знаем ни одного примера, чтобы права многочисленных побочных сыновей, претендовавших на престол в Скандинавии, увеличивались или уменьшались в зависимости от того, состоял ли их отец-конунг в законном браке в ту пору, когда они появились на свет. По-видимому, Саксон, зная о некоем различии в статусе рожденных вне брака сыновей Эйрика Доброго, переосмыслил его на свой лад (о точке зрения Саксона на этот предмет см. подробнее: Nors 1996; 1998, с. 17–32; 2000, с. 59–61). У нас нет достаточных сведений, чтобы определить, чем именно различался на практике статус двух братьев. Условно можно выделить два основных критерия, наиболее актуальных для Скандинавии того времени (в действительности, их было гораздо больше). Согласно одному из них, Эйрик и Харальд равны, так как оба публично признавались своим отцом, и потому приходится предположить, что ситуацию неравенства задавал второй критерий, а именно общественное положение матери.

⁵¹ *Hic filium ex legitimo suscitavit, quem re et nomine Magnum nominabant* (SMD, т. I, с. 130–131).

⁵² *Hic filios tres ex concubinis habuit, Haroldum, Benedictum, Hericum; ex legitima nobilissimum genere, nomine Kanutum* (SMD, т. I, с. 25; Рыбаков 2003, с. 331). Ср. также: Saxo, кн. XII, гл. 3, § 6, с. 334.

Скорее всего, именно это обстоятельство, а также, возможно, и то, что он появился на свет, когда его отец уже успел сделаться конунгом, и обусловило роль Кнута как будущего полноправного наследника датской державы. Во всяком случае такая интерпретация событий позволила бы объяснить ту весьма сложную расстановку сил, отголоски которой мы находим в источниках самых разных типов: отправляясь в Иерусалим, Эйрик Добрый на время своего отсутствия оставляет править собственного старшего сына от наложницы Харальда, в случае же смерти видит своим непосредственным преемником брата Нильса с тем, чтобы в дальнейшем держава перешла к его младшему законному сыну Кнуту. Понятнее становятся и причины формирования зловещей пары антагонистов – Магнуса Сильного и Кнута Лаварда, поскольку в этой новой для Дании перспективе, учитывающей законность происхождения, в определенном смысле только они к концу 20-х гг. XII столетия и были равноправными противниками. Оба родились в браке и оба были, так сказать, «порфиrogenетами», т.е. появились на свет, когда их отцы обладали датским престолом.

Была ли «законнорожденность» Кнута столь высоко оценена его современниками непосредственно при появлении мальчика на свет или это произошло несколькими годами позже? Чрезвычайно заманчиво связать начало такого перелома в отношении к законности / незаконности происхождения сыновей правителя с учреждением в Лунде первой архиепископской кафедры в Скандинавии (1103 / 1104 г.)⁵³ и даже более конкретно – с деятельностью первого лундского архиепископа Ассера (Асгера), который прежде, как известно, был епископом в Лунде на протяжении всего правления Эйрика Доброго. Паломничество правящего конунга – в отличие от военной экспедиции, акт весьма необычный для Скандинавии той эпохи – готовилось, по-видимому, практически в то же время что и проект лундской архиепископии, после отъезда Эйрика в Святую Землю Ассер стал советником молодого Харальда Копье⁵⁴, т.е. принимал самое непосредственное участие в управлении страной. Не были ли все эти события составляющими единого «симфонического» замысла, предопределившего, в частности, высокий статус нашего героя? На данный момент у нас есть основания говорить лишь об общей тенденции к усилению влияния церкви на матримониальные дела датских правителей в начале XII в., тогда как более определенные утверждения о роли лундской кафедры в судьбе Кнута Лаварда нуждаются (особенно если учесть всю сложность ее взаимоотношений с гамбургско-бременской архиепископией и германскими императорами) в дополнительном исследовании.

⁵³ SRD, т. I, с. 239; т. II, с. 608.

⁵⁴ SRD, т. III, с. 432.

Сокращения и цитируемая литература

- МЭ – Младшая Эдда / Изд. подгот.: О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. М., 1970.
- Назаренко 2011 – А.В. Назаренко. Кнут Лавард, Лотарь III и Мстислав Великий // Висы дружбы. Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон. М., 2011.
- Рыбаков 2003 – Роскильская хроника / Пер., предисл. и примеч. В.В. Рыбакова // Древнейшие государства Восточной Европы, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003.
- ССв. – Сага о Сверрире / Изд. подгот.: М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988.
- Успенский 2001 – Ф.Б. Успенский. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Успенский 2005 – Ф.Б. Успенский. Злободневность прошлого: язык генеалогических построений в исландской прозе XII–XIII вв. // Атлантика: Записки по исторической поэтике. Вып. VII. М., 2005.
- Alf – *Alfræði Íslenzk. Islandsk encyklopædisk litteratur* / Udg. ved Kr. Kålund, N. Beckman. I. Cod. Mbr. AM. 194, 8vo / Udg. ved Kr. Kålund. København, 1908 (STUAGNL 37.); II. Rímtöl / Udg. ved N. Beckman og Kr. Kålund. København, 1914–1916 (STUAGNL 41.); III. Landalýsingar M. Fl. / Udg. ved Kr. Kålund. København, 1917–1918 (STUAGNL 45).
- Alex. – *Alexander saga* / Udg. af C R. Unger. Christiania, 1848.
- Barl. – *Barlaams ok Josaphats saga* / Udg. af R. Keyser, C.R. Unger. Christiania, 1851.
- Blatt 1957 – *Saxonis Gesta Danorum. T. 2: Indicem verborum / conficiendum curavit Franz Blatt. Haunia*, 1957.
- Boroń 2010 – P. Boroń. Kanut Laward – Rex Obotritorum: Kontrowersje wokół tytułury duńskiego księcia, władcy słowiańskich plemion // *Religia ludów Morza Bałtyckiego. Stosunki polsko-duńskie w dziejach*. Toruń, 2010.
- Bosworth, Toller 1898 – *An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth* / Ed. and enlarged by T. N. Toller. London, 1898.
- Böhmer 1994 – J. F. Böhmer. *Regesta Imperii. T. IV, Abt. 1: Die Regesten des Kaiserreiches unter Lothar III und Konrad III. Teil 1: Lothar III. 1125 (1075) – 1137*. Köln; Weimar; Wien, 1994.
- Brink 2008 – S. Brink. Lord and Lady – Bryti and Deigja: Some Historical and Etymological Aspects of Family, Patronage and Slavery in Early Scandinavia and Anglo-Saxon England. The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies delivered at University College London 17 March 2005. London, 2008.
- CFr. – *Codex Frisianus. En Samling as norske Konge-Sagaer* / Udg. efter offentlig Foranstaltning af C. R. Unger. Christiania, 1871.
- Chesnutt 2003 – M. Chesnutt. *The Medieval Danish Liturgy of St. Knut Lavard* // *Opuscula* / Ed. B.O. Frederiksen. Vol. XI. Kbh., 2003. (Bibliotheca Arnamgnæana, vol. XLII.)
- DD – *Diplomatarium Danicum. 1. Række. T. I: 789–1052* / Udg. ved C.A. Christensen, H. Nielsen. Kbh., 1975; T. II: 1053–1169 / Udg. ved L. Weibull, N. Skyum-Nielsen. Kbh., 1963; T. III: 1170–1199 / Udg. ved C.A. Christensen, H. Nielsen, L. Weibull. Kbh., 1976–1977; T. IV: 1200–1210 / Udg. ved N. Skyum-Nielsen. Kbh., 1958; T. V:

- 1211–1223 / Udg. ved N. Skyum-Nielsen. Kbh., 1957; T. VI: 1224–1237 / Udg. ved N. Skyum-Nielsen. Kbh., 1979; T. VII: 1238–1249 / Udg. ved N. Skyum-Nielsen, H. Nielsen. Kbh., 1990.
- DMA – Danmarks middelalderlige Annaler / Udg. E. Kroman. Kbh., 1980.
- DS – Diplomatarium Suecanum / Red. J. G. Liljegren. T.I. Stockholm, 1829.
- Dubois, Ingwersen 2008 – *Th. A. Dubois, N. Ingwersen*. St Knud Lavard: A Saint for Denmark // Sanctity in the North: Saints, Lives, and Cults in Medieval Scandinavia / Ed. by Thomas A. Dubois. Toronto; Buffalo; London, 2008.
- Esp. – Eirspennil / Udg. ved Finnur Jónsson. Christiania, 1913–1916.
- Fask. – Fagrskinna / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbh., 1902–1903. (STUAGNL 30.)
- Flat., I–III — Flateyjarbok. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler / Udg. af Guðbrandr Vigfusson og C. R. Unger. Christiania, 1860—1868.
- Fritze 1960 – *W. H. Fritze*. Probleme der abodritischen Stammes und Reichverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammestaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960.
- Hausmann 1969 – Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser. Die Urkunden Konrads III und seines Sohnes Heinrich / Bearbeitet von F. Hausmann. Wien; Köln; Graz, 1969 (MGH DD 9.)
- Helm. – Helmholds Slavenchronik. Dritte Auflage, bearbeitet von B. Schmeidler. Hannover, 1937. (MGH SS rer. Germ. 32.)
- Hermanson 2000 – *L. Hermanson*. Släkt, Vänner och Makt: En studie av eliens politiska kultur i 1100-talets Danmark. Göteborg, 2000. (Avhandlingar från Historiska institutionen, Göteborg universitet, 24.)
- Hoffmann 1976 – *E. Hoffmann*. Königserhebung und Thronfolgeordnung in Dänmark bis zum Ausgang des Mittelalters. Berlin; NY., 1976. (Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters, V.)
- Hoffmann 1981 – *E. Hoffmann*. Das Bild Knut Lavards in den erzählenden Quellen des 12. und 13. Jahrhunderts // Hagiography and Medieval Literature. A symposium. Proceedings of the Fifth International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages held at Odense University on 17–18 November 1980 / Ed. by H. Bekker-Nielsen. Odense, 1981.
- IA – Islandske Annaler indtil 1578 / Udg. ved G. Storm. Christiania, 1888.
- Jensen 1934 – *K.B. Jensen*. Knud Hertugs Tilnavn // Studier tilegnede Verner Dahlerup paa femoghalvfjerdsdaarsdagen den 31. oktober, 1934. Kbh., 1934.
- Kgs. – Speculum Regale. Konungs-Skuggsjá. Konge-Speilet: et filosofisk-didaktisk skrift, forfattet i Norge... Christiania, 1848.
- Klingenberg 1998 – H. Klingenberg. Hommage für Skúli Bárðarson // Snorri Sturluson / Hrsg. von H. Fix. Berlin; New York, 1998. (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 18.).
- Klingenberg 1999 – *H. Klingenberg*. Heidnisches Altertum und nordisches Mittelalter: strukturbildende Perspektiven des Snorri Sturluson. Freiburg (Breisgau), 1999.
- Knýtł. – Sögur Danakonunga. Sögubrot af fornkonungum. Knýtlingasaga / Udg. ved C. Petersen och E. Olsen. Kbh., 1919–1925. (STUAGNL 46.)
- Lind 1992 – *J.H. Lind*. De russiske ægteskaber: dynasti- og alliancepolitik i 1130'ernes danske borgerkrig // Dansk Historisk Tidsskrift. 1992. Bnd. 92. Hft. 2.

- MGH DD – Monumenta Germaniae Historica: Diplomata.
 MGH SS – Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum (in folio)
 MGH SS rer. Germ. – Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum rerum Germanicarum
 in usum scholarum separatim editi.
 NL – Necrologium Lundense: Lunds Domkyrkas Nekrologium / Utg. av L. Weibull. Lund,
 1923. (Monumenta Scaniae Historica).
 NgL, I–V – Norges gamle Love indtil 1387 / Udg. ved R. Keyser og P.A. Munch, G. Storm
 og E. Hertzberg. Christiania, 1846–1895.
 Nors 1996 – *T. Nors. Illegitimate Children and Their High-Born Mothers: Changes in
 Perception of Legitimacy in Medieval Denmark // Scandinavian Journal of History.*
 1996. Vol. XXI. No. 1.
 Nors 1998 – *T. Nors. Ætteskab og politik i Saxo Gesta Danorum // Dansk Historisk
 Tidsskrift.* 1998. T. 98.
 Nors 2000 – *T. Nors. Slaegtstrategier hos den danske kongslaegt i det 12. århundrede: svar
 til Helge Paludan // Historie.* 2000. T. I.
 Olrik 1888 – *H. Olrik. Knud Lavards: Liv og Gærning.* Kbh., 1888.
 ÓH – Saga Olafs Konungs ens Helga. Udførligere Saga om Kong Olaf den Hellige efter
 det ældste fuldstændige Peraments Haandskrift i det store kongelige Bibliothek i
 Stockholm / Udg. efter Foranstaltning af det akademiske Collegium ved det kongelige
 norske Frederiks Universitet [ved P.A. Munch og C. R. Unger]. Christiania, 1853.
 ÓT. Oddr – Saga Óláfs Tryggvasonar af Odd Snorrason munk / Udg. ved Finnur Jónsson.
 Kbh., 1932.
 Raffensperger 2010 – Chr. Raffensperger. *Dynastic Marriage in Action : How Two Russian
 Princesses changed Scandinavia // Именослов: История языка, история культуры
 / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. СПб., 2010. (Труды Центра славяно-германских ис-
 следований, I.)*
 Ræder 1871 – *J.G.F. Ræder. Danmark under Sven Estridsen og hans sønner.* Kbh., 1871.
 Saxo – Saxo Grammaticus. *Saxonis Gesta Danorum / Ed. J. Olrik, H. Raeder.* T. 1.
 København, 1931.
 SGL, I–XII – *Corpus Iuris Sueo-Gotorum Antiqui. Samling Af Sweriges Gamla Lagar /
 Utg. af H.S. Collin och C.J. Schlyter.* Stockholm; Lund, 1827–1869.
 SMD, I–II – *Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / Rec. M.C. Gertz.* Kbh.,
 1917–1922.
 SnE – *Snorri Sturluson. Edda / Udg. af Finnur Jónsson.* Kbh., 1900.
 SRD, I–IX – *Scriptores rerum Danicarum medii aevi / Ed. Jacob Langebek et al. Hauniae
 (Kbh.), 1772–1878.*
 Storm 1885 – *En Tale mod Biskoperne / Udg. ved Gustav Storm.* Christiania. 1885.
 STUAGNL – *Samfund(et) til Udgivelse at Gammel Nordisk Litteratur.*
 Sv. – *Sverris saga / Utg. ved G. Inderbø.* Kristiania, 1920.
 VSD – *Vitæ Sanctorum Danorum / Ed. M.C. Gertz.* Kbh., 1908–191